

Андрей Захаров
(РГГУ)

*«Традиции, на которую мог бы опереться новоявленный
консерватизм, просто нет»*

Прежде всего, несколько слов о специфике русского консерватизма, какой она мне представляется. На протяжении своего исторического пути русский консерватизм содержал в своей основе три идеи. Первая идея заключалась в том, что, используя слова Карамзина, всякая новость в государственном управлении есть зло, на которое можно идти только в случае крайней необходимости. Вторая идея предполагала, что все российские беды и все российские пороки – это не наше порождение, а влияние Запада, зарубежное влияние. Иначе говоря, все дурное, что с нами происходит, привнесено к нам чуждыми силами. Согласно третьей идее, православное вероисповедание, социальная доктрина православия, должны лежать в основе всей социальной жизни.

Если взглянуть на эти три элемента в совокупности, то без труда можно увидеть, что самые большие проблемы сегодня возникают с третьим из перечисленных элементов. Ибо традиции, на которую мог бы опереться этот новоявленный консерватизм, просто нет. То, что мы имеем сегодня в рамках нашего консервативного поворота, нельзя называть традиционализмом - по причине отсутствия традиции. Действительно, с православными ценностями у нас неважно. Ведь общество, которое когда-то стало секулярным, никогда уже не сможет сделаться религиозным, сколь бы энергичные меры для этого ни предпринимались. Кстати, есть очень интересный кейс на этот счет. Это случай иранской революции, которая произошла в обществе, предельно секуляризованном. Тем не менее, даже эта революция (и об это свидетельствуют исследования социологов, которые с Ираном работают) не смогла на бытовом, индивидуальном уровне восстановить то, что называют «исламскими ценностями»; более того, на личностном уровне секуляризация

продолжается. В России же восстановление так называемых православных ценностей тем более невозможно.

По моему мнению, можно говорить о том, что российский консерватизм безоснователен, то есть не имеет основы. Я согласен с коллегой Римским: это что-то вроде постмодернистской игры - постмодернистский проект, у которого начинки нет, а есть только оболочка. Он безоснователен: а если он безоснователен и если идея этого консерватизма эфемерна, то тогда о формировании какого-то «консервативного человека» не приходится говорить, ибо непонятно, какими идеями этот консервативный человек будет питаться.

Еще одна вещь, на которую я хотел бы обратить внимание - это переключка российского консерватизма с еще одним постмодернистским и столь же виртуальным проектом – проектом восстановления великой Российской империи. Виртуальный консерватизм предполагает восстановление столь же виртуальной империй: это играющие между собой элементы.

Российская консервативная идея, как я отметил выше, лишена православной традиции – традиции в высоком смысле этого слова, из которой можно было бы черпать жизненную силу, постоянно воспроизводя одно и то же. А у российской империи, в свою очередь, нет экономической базы, на которой ее можно было бы возродить. Три процента общемирового ВВП – не тот фундамент, на котором можно вести имперское строительство.

В итоге получается, что мы имеем дело с очень любопытной вариацией консерватизма, который безосновен, виртуален и подкрепляется столь же виртуальной игрой в империю. Все это можно было бы считать непротиворечивым постмодернистским проектом, если бы не одно обстоятельство. Я говорю о странной претензии некоторых наших руководителей на то, что российский консерватизм должен стать «флагманом мирового консерватизма». Такая заявка в отношении остального мира разрушает, как представляется, консервативную парадигму внутри страны.

Последнее, о чем я хотел бы сказать. Самое начало разговора у нас приобрело социологический, я бы сказал, уклон. Но лично мне не кажется,

что данные, получаемые нами в виде результатов опросов общественного мнения, должны приниматься как фундамент, на котором можно твердо стоять. Предположим, важно ли для практической политики то, какой процент российского населения негативно относится к Западу? Это, увы, не имеет никакого значения ни для Запада, ни для российского населения. Потому что, как говорили Ильф и Петров в своих записных книжках, неважно, любите ли вы советскую власть - важно, чтобы советская власть вас любила. Здесь дело обстоит примерно также.

Обсуждаемые нами тенденции – это не консервативный поворот. Это игра в консервативный поворот. Это - не консервативный человек. Это игра в консервативного человека. Причем увлекаться этой игрой можно достаточно долго. И никакой возможности прервать ее на полуслове у российского общества сейчас нет.